

НЕВАРАЦЬ НЕ ВЯРТАЕ – НЕБЫТИЕ НЕ ОТПУСКАЕТ

У статті аналізується проблема історичної пам'яті народу в особистісному подоланні і сприйнятті експериментальних поем білоруського поета-реформатора Алеся Рязанова «Рагвалод» і «Усяслаў Чарадзеі». Глибокий філософський задум автора реалізується за допомогою сутності поняття імені, яка сприймається знаком, поводитим на межі буття і небуття, часу, аж ніяк не лінійного, а дискретного, здатного з'єднувати минулий і нинішній день, взаємодії артефактів минулого, перш за все вербальних, з сучасною екзистенцією, а також трансмутації в сприйнятті видатної особистості нею самою, сучасниками і спадкоємцями.

Ключові слова: історична пам'ять, дискретний час, артефакт, екзистенція.

В статье анализируется проблема исторической памяти народа в личностном преодолении и восприятии экспериментальных поэм белорусского поэта-реформатора Алеся Рязанова «Рагвалод» и «Усяслаў Чарадзеі». Глубокий философский замысел автора реализуется посредством сущности понятия имени, воспринимаемого знаком, поводитим на меже бытия и небытия, времени, отнюдь не линейного, а дискретного, способного соединять ушедшее и нынешний день, взаимодействия артефактов прошлого, прежде всего вербальных, с современной экзистенцией, а также трансмутации в восприятии выдающейся личности ею самой, современниками и наследниками.

Ключевые слова: историческая память, дискретное время, артефакт, экзистенция.

In the article the problem of a nation's historical memory and its individual interpretation is analyzed as it is reflected in the experimental poems «Ragvalod» and «Usiaslau Charadziey» by Belarusian poetical reformer A. Riazanov. Deep philosophical message of the author is realized by the careful study of the notion of a name, perceived as a sign, a landmark on the border between being and non-being, time understood as not a linear process but a discontinuity, capable of linking the past and the present, as the interaction of the artifacts of the past, first of all verbal ones, with modern ways of existence, as well as transmutation of an outstanding personality as viewed by itself, its contemporaries and descendants.

Key words: historical memory, a discontinuity time, the artifact, existence.

Проблеме исторической памяти нации и ее индивидуальной реализации в конкретной личности посвящены поэмы широко известного белорусского поэта-реформатора Алеся Рязанова «Рагвалод» (1999) и «Усяслаў Чарадзеі» (1994, 1998, 2006), знаменующие собой значительный этап в модернизации тематики и структуры древнейшего жанра мировой литературы. Признание Г. Аполлинера «я начисто забыл, как строятся поэмы», чрезвычайно близко белорусскому поэту, кардинально изменившему вслед за своим великим предшественником облик классической формы. Нельзя, конечно, утверждать однозначно, что именно Г. Аполлинер и А. Рязанов были пионерами в модернизации и трансформации (трансмутации по Рязанову) эпи-

ческой формы, за тысячу лет после Гомера их, реформаторов, было легион. Не случайно уже в XIX веке М. Лермонтов восклицал – «Умчался век эпических поэм». Трудно предположить, чтобы сказал ныне великий романтик, ознакомившись с многочисленными якобы поэмами с точки зрения теоретиков прошлого и позапрошлого веков. Во всяком случае пришлось бы находить синонимы к глаголу (умчался), существительному (век) и прилагательному (эпических), оставив незбылемым лишь термин, объединяющий и сдерживающий (пока!) в своем силовом поле произведения, совершенно не схожие между собой ни тематикой, ни сюжетом, ни композицией, ни объемом – т. е. практически ничем.

Модернизация жанра поэмы всегда обозначала революционные преобразования в национальной литературе. Так, поэма-импровизация В. Незвала «Акробат» становится переломной в чешской поэзии: «Мир со всеми своими печалаями ждет искупления – акробатом – поэзией, а она срывается с каната, не может идти вперед уверенным шагом, потому что вступает из пропасти в зрелость. Она уже не может быть тем, чем хотела – радостью и игрой, дарящей счастье» [1, с. 589]. В целом в XX веке поэма в результате эволюции превратилась в НЛЮ (неопознанный поэтический объект), которому даже найти формулировку-описание весьма проблематично, не говоря о постижении. Однако и в подобной ситуации она в состоянии если не давать ответы на онтологические проблемы бытия, то хотя бы огласить их и иметь явную надежду быть услышанными.

Именно последнее чрезвычайно адекватно творческой индивидуальности А. Рязанова и его мировосприятия в реализации одного из наиболее основополагающих вопросов – как сохраняется память об ушедшем, что помнят в первую очередь потомки, слышим ли мы голоса предков? Упомянутые поэмы белорусского поэта, получившего европейскую известность благодаря своим пунктирам, вершаказам, версетам, внешне знаменательны тем, что в заглавиях содержатся имена прославленных исторически-легендарных личностей, стоящих у истоков славянской государственности, что подчеркивает исключительную смысловую и формообразующую значимость для реализации идейного замысла автора:

Як убірае ў сябе

Чалавек

Свой век,

Так убірае

І памятае чалавека

Імя,

Яму дадзенае нараджэннем

І спраўджанае жыццём [2, с. 88].

Словно Пушкин (вспомним прославленное «что в имени моем?»), Кэрролл (кролик назвал имя Алисы глупеньким), Ницше (Заратустра вместе с собственной тенью отучался верить в великие имена, ибо имя – тоже кожа: когда дьявол сбрасывает с себя кожу, то и имя его спадает вместе с ней, да и сам дьявол не более, чем оболочка), А. Рязанов пытается постичь сущность этого актуального во все века и эпохи понятия:

Удумваюся ў яго,

Услухоўваюся ў яго,

Трымаю яго на вуснах [2, с. 88].

Имя – бренд, знак, поводырь на той меже, где бытие совпадает с небытием, а бессмертие приобретает совершенно иное качество: имя всеильно, оно материально, хотя и подвергается переоценкам:

І ключ,

І замок,

І прастора,

Належная іншаму вымярэнню, –

Імя,

Што прыйшло ад цябе,

Каб весці

Цяпер да цябе [2, с. 88]...

Зачастую имя – единственное, что остается от живущих на земле. Миллионы предков ушли в небытие, их силуэты растаяли в глубинах-далях времени: пусть они еще так недалеко (с точки зрения вечности) от героя, что можно их позвать и даже услышать ответ – все равно наша история идет от имени прославленного – Рогволода, а ее разгадка – от имени Всеслава Чародея. Об этом свидетельствуют и краткие, но потому очень яркие и внушительные страницы летописи, которых, как и египетских пирамид, боится время.

А. Рязанов помнит об этом, а потому в некоторых разделах поэм возобновляет чеканные строчки временных записей. В первую очередь там, где излагается, как он (герой) пришел и нашел на этом холме город, в этом крае – отечество, в этих людях – народ, а в этом народе, городе и отечестве дело, славу и судьбу. Но яркая стилизация, не говоря уже о примитивной контаминации и щедром цитировании, отнюдь не особенность творческой манеры мастера современности. Включение в структуру современного произведения классических фраз и цитат, уже услышанных и воспринятых читателем разных эпох, не оправдывает надежд, а зачастую работает против автора (вспомним повальное цитирование евангельского Апокалипсиса о звезде Полюнь в произведениях о катастрофе века). Поэтому, вместо использования сотни раз повторенного «Не хочу разути робичича», он воссоздает образ несчастной невесты, открытой всем ветрам и оцепеневшей от ужаса, уже принесенного последними. Она безмолвна, несмотря на произнесенную крылатую фразу, пережившую века и столетия, как безмолвны все девушки-невесты, особенно принцессы, ибо, в отличие от сказочных прототипов, никому не интересны их страсти и склонности, все подчинено великой целесообразности:

То адчыняюцца, то

зачыняюцца дзверы.

Сваты то выходзяць,

то зноўку ўваходзяць.

І нерухома сядзіць

між князеў маладых,

нікому не кажачы слова,

Рагнеда [2, с. 83].

Княжна, а затем великая княгиня (в будущем своеобразный символ свободы), поднявшая меч на своего мужа (из-за поруганной чести дочери, сестры или просто женщины, уязвленной гаремом мужа из 600 наложниц, о душа женская!), у А. Рязанова предстает игрушкой в руках страшных, непостижимых черных сил. Ведь от нее ничего не зависит, а потому она оцепенела от зримого предчувствия (женщины интуитивно владеют подобным даром пророчества) еще более ужасающих трагедий и катаклизмов, в которых потеря короны – не

самая значительная. А потому финальный императив вершаказа А. Рязанова «Горад» – «У горадзе валадарыць Рагвалод, горад радуецца Рагнедзе» – воспринимается как классическая ирония, ибо только она и является последним прибежищем слабых, униженных и оскорбленных.

Знаменательно, что бесстрастные внешне, но от того не менее жалищие (под пеплом огонь) слова – «И приде Володимер на Полотеск, и уби Рогъволода и сына его два, и дъчерь егоноя женѣ!» [3, с. 29]. А. Рязанов заменяет картиной уже не столько в летописном, сколько в библейском стиле, ибо эта трагедия величественна, неизбежно-неотвратима, ужасающе-реальна: страшные в своем безмолвном подчинении грозному приказу существа отвечают на вопрос, студящий кровь в жилах:

Спытаешся ў птаха,
куды ён ляціць,
спытаешся ў звера,
куды ён бяжыць,
спытаешся ў гада,
куды ён паўзе таропка.

І кожны
адкажа адказам,
які цябе змусіць
знямець:

«Каштаваць Рагвалода» [2, с. 83].

Для этого ли живет человек? Ведь ты многолик, – восклицает автор. Удивляется князь в тебе: как может кто-то чужой, инородный, непрощенный, самодостаточный вторгаться в княжество твое и насилие нести с собой на конях? Удивляется Бог в тебе: как может кто-то чуждый, инородный, непрощенный, самодостаточный тобой владеть и угрожать твоему прекрасному телу железом?!

Время в поэзии А. Рязанова дискретное, нелинейное, в нем нельзя просто так вернуться в прошлое – реально или виртуально. Лирический герой, застывший в неведомом ожидании на опустевшем подворье перед раскрытыми воротами, – не просто знак на пути летящего времени из прошлого в будущее. Это межевой камень в Рязановском восприятии – сочетании пространства и времени, откуда можно начать путь практически во все стороны, исключая классический туда-обратно. Данный реальный физический закон в поэзии А. Рязанова не только бессмыслен, но и совершенно невозможен, как бессмысленны попытки произвести обыкновенные движения в невесомости. А. Рязанов постигает сущность древнейших герметических текстов, полных таинств, загадок, темноты, в которой блещет мерцание непознанного смысла. Он подчеркивает, что деятельность человека во все времена происходит в пространственно-временных атрибутах нового закона и порядка. Поэтому возможно преодоление всех противоречий.

Всему свое время. Время плыть в будущее до Киева и самого Царь-града и оглашать пространство кривицкой речью, и время тянуть через силу волоком челн; время пить чару с вином и время,

когда недопитое вино мучит жаждой Тантала. И несмотря на тысячу пролетевших лет, не наступило время подведения итогов, суда, твоя жизнь еще длится:

Яшчэ не дасніў цябе
сон,
яшчэ недаздзейсніла цябе
мэта,
яшчэ недадумала цябе
думка,
і мова недаказала,
і моўча недамаўчала,
і недаўсвядоміў Бог [2, с. 86].

Именно поэтому в черном брюхе неба плывет и ныряет в облака блестящий месяц и через века несетсся чей-то крик. А на воде челны отвязались от причала и сами, без никого, плывут в неизвестность. Куда? На вечный суд или в прошлое? Бегущие лисы и слетающиеся вороны на кровавую жертву-трапезу заставляют человека забыть о том, что он здесь, на земле, самый первый и самый великий. А. Рязанов использует бояновскую аллюзию из великого «Слова о походе Игоревом», которое тоже является образцом для нашего современника (во всяком случае белорусский поэт знает творения своих предшественников). Напоминание-предостережение Всеславу о том, что ни хитрому, ни умелому, ни птице быстрой суда Божьего не избежать: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божа не минути». А потому до страшного бега и не менее ужасающего полета должен понять свое предназначение и место. Всякий должен подойти и сказать: «Бог во мне, Бог в тебе, и над всеми нами». Ибо на каждую власть есть еще большая власть, на каждую победу находится еще большая победа, а потому необходимо постичь то состояние, которое тебя проявит до конца и воплотит: тогда обретешь себя на путях незнанных и слава, не найдя слов для сравнения, онемееет пред тобой.

Куда уходят люди? Куда уходят великие люди? В чем урок их бытия? Они скрылись, ушли так далеко, что осталось только несколько строчек в летописи да упоминание в древнейших преданиях. Облик растаял в глубинах извечных, эхо практически совпало с хмурой далью. А может он еще не все пережил; не все изведаль? Не отдаст его прошлое, не вараць не вяртае, небытие не отпускает, полочане тебя не видят, кривичи не слышат, потмки не вспоминают. Но ты не таков, как все. Заключенный в своем времени, замкнутый в своих, таких изменчивых, днях и ночах, ты умеешь выходить за пределы времени. И там, где безысходность, находишь удачу, в безнадежности – результат, в опасности – дорогу. Туда, куда не доходит отблеск, не долетает отзвук, туда, словно в перевернутую в глубину гору ведет тебя к цели: горы превращаются в тропинки, тишина – в разум, сумраки – в зрение. Существует ведь и сила, более могущественная, чем ты, она ведет человека по таинственным дорогам и открывает замкнутую даль. Слово сокола – высота, рыбу – глубина, волка – глушь, тебя влечет и позволяет тебе стано-

виться собой простор, соединенный с этим миром и уже соединенный с тем.

А. Рязанов кличет своего героя, дабы он пришел в нынешний день и привел с собой века, ушедшие в прошлое, и ту потерю (страгу), что забирает людей от людей и человека от человека, преодолел. Не случайно именно в духе 130 Псалма *de profundis* (из глубины) *clamavi* (звучит) не только голос:

З прадоння
Мінулых гадоў
Узнікаюць падзеі,
З падзеяў –
Людзі [2, с. 112].

Отпущенные мыслью, памятью и воображением, они вновь исчезают (но это отнюдь не дантовские тени); а потому ты уже не ты (ибо уже не принадлежишь ни стати своей, ни имени), а самая нетронутая глубина, самая недостижимая высота, самая опоясанная туманами даль. Ведь ты находишься там, где не понятно, что перед тобой: лес или люди, челн или облака; что-то «наўмысна блытанае, сляпое» обтекает тебя и ты не видишь ни того, с кем воюешь, ни того, от кого увораживаешься.

Если в мире В. Хлебникова не было заставы времени, то у А. Рязанова она возникает и преодолеть ее можно только с помощью гроба, услужливо подставленного кем-то на казалось бы прямом пути, совсем не схожими с реальным физическим:

Хто жакадае сабе пакуты,
Калі магчымая ўцеха?
Хто накладзе на сябе лахманы,
Калі мае шаты?
І хто
Аддасць перавагу страце,
Калі кладзецца
Да ног набытак?
Разам з усімі з чараў
П'еш хмельную слодыч,
А сам – атруту.

І свет
Табе адкрывае свае таямніцы,
І адчыняе
Табе свае скарбы

Смерць [2, с. 93].

Все переменилось в этом мире, и никто не может понять, как у Ф. Тютчева, кто за кем смотрит, наблюдает – Бог за человеком, человек за природой, природа за мыслящим тростником:

Боги, люди и народы
Убегают навсегда.
Как текучая вода.
В глубоком зеркале природы
Звезды – невод, рыбы – мы.
Боги – призраки у тьмы [4, с. 202].

Абсолютно не согласен с линейной трактовкой бытия А. Рязанов, чем и объясняется вера не столько в реинкарнацию, сколько в возвращение героя, преодолевшего все заставы аннигиляции.

Поэтому никто (ни поле, ни пуща, ни берег, ни река) не знает, где ты опять появишься снова, ведь ты вспыхиваешь, словно огонь, твоим присутствием полон простор, отовсюду незримо глядят твои глаза; ты везде – и вне места; всегда – и вне времени; со всеми – и без никого.

Через смерть ты совершаешь очередной путь к самому себе: «Змаганне займае сабою ўсе берагі; і згуба вяртаецца да вытокаў» [2, с. 82]. Живые умрут, а мертвые – воскреснут. Слово расстаешься с самим собой: отходишь оттуда, где было все твоим, туда, где ты сам. Будешь видеть: приблизился к концу, и зная: вернулся к истокам.

Это река Заратустры, которая своими извилами возвращается к началу, или жизнь, что все время преодолевает самую себя. Умершие и растаявшие в небытии герои возвращаются к истокам, к себе, но начинают постигать себя практически с нуля, как и все ныне живущие, ибо дела, ими совершенные, отделились от них, а отделившись, начинают противоречить им самим. Только тогда, взглянув в речной поток, можно удивляться: куда делся молодой князь и откуда взялся старый?

Тебе ли, Всеславе, родившемуся от волхования, пристало спрашивать об этом? Таинственное и загадочное в судьбе Чародея прельщает и А. Рязанова, описывающего летящего над землей змея, переливающегося всеми цветами радуги. Волхвы, собравшиеся у него, вызывают и ассоциации с более великими коллегами, пророческими рождение Спасителя. Но и у А. Рязанова «Таго, хто цяпе нарадзіўся, Вясткуе падзея, Вітае неба» [2, с. 89]. Слово в Вечной Книге волхвы пойдут тропинками явлений и обретут тебя.

Не в последнюю очередь образ Всеслава Чародея привлекает поэта А. Рязанова и тем, что это фигура переходная, находящаяся на меже: бытия, времени, пространства, веры. Именно ему «запярэчаць Адпрэчання табою Старыя багі; цяпер маліся свайму ўкрыжаванаму Богу, кліч замовы на дапамогу» [2, с. 95].

Как верили поганцы-язычники, ты, рожденный от волхования, бываешь в гостях на небе и в пекле, советуешься с птицами, гадами, зверями, и там, где для всех межа, граница, для тебя открывается возможность постижения.

Пограничность, памежкवासць Всеслава Чародея – идеальное условие для Рязанова-поэта. Именно князь стремился постичь то, что недоступно другим. Именно князем белорусский поэт пытается выйти за межи времени и рассмотреть им то, что «апанулася ў небакраі, и то, что пасялілася ў невымоўным, Табой вымаўляю» [2, с. 89]. Только таким путем можно понять

У чалавека –
Кім ты ўвасобіўся
У гэтым целе
І ў гэтым жыцці –
Выпрабаваць дарэшты.

Загадка,
Якую ўсім загадаў,
І той,
Кім яна авалодвае,
Пазнае
У рысах сваіх
Здаўна
Знаёмыя рысы [2, с. 89].

И кто из людей, из племен, близких тебе, достоин этого? Стоя у стен Новогрудка, Новгорода, Смоленска, думал ли ты, где и кто свои?

А. Рязанов опять не будет цитировать прославленной битвы на Немиге, он вспомнит только горькую пословицу «Ні скаціны, ні чалядзіна», чтобы снова подсветить зарево великой трагедии, увенчанной костями русских сыновей. Сожженный Менеск, убитые мужчины и воины, подневольные жены и дети колоколом будут звенеть в его памяти. Он же не в силах воскресить мертвых, но он может воскресить и заново ввести в рассвет нового дня замолкшую битву, которая сама решит, почему так едино и раздельно сочетались в человеке душа и тело. Это под силу его колдовскому началу, не случайно Полотеск грустил по плененному князю и ходил по улицам Киева, в порубе которого сидел Всеслав. Подобного образа еще не знала европейская поэтическая традиция. Он в состоянии напрячь пространство, словно тетиву, и направить время, подобно стреле, по самой короткой дороге, что позволяет ему из непрошедшей ночи очутиться во дню и то, что будет завтра, распознать сегодня.

От волхования и путь к Христу (у А. Рязанова, поэта переходных, пограничных ситуаций, и такое возможно). Святая София, воздвигнутая над отвесным берегом Двины, будет объяснять векам сон Всеслава об опоясанной молнией туче, в которой князь увидел девушку-воина с копьем в левой руке и с крестом в правой. Всем своим существом он запомнит превращение тучи в чудесный дворец (а может и увидел внучку свою, святую Ефросинию Полоцкую, заступницу земли Белорусской, кото-

рая и начала путь отсюда, ибо Всеслав Чародей вложил в Софию свою душу; колокол ее он слышит везде, где бы он ни был: «Тому в ПолотскЫ позвониша заутренею рано у Святыя Софеи в колоколы, а он в КиевЫ слыша»).

Не хочется верить поэту, что самое значительное, о чем может попросить себе князь в очередном вешем сне, – это «Не мець сябе». Не будет он просить у ласковой смерти стереть все, что было, дабы взгляд стал ясным, а память чистой. Да и сам А. Рязанов после единственного цитирования летописи: «В лѣѣто 6609 (1101). Преставился Всеслав, полоцкий князь, мѣсяца априля в 14 день, в 1101 год, в 9 час дне, в среду» [3, с. 40] –

Месяца красавіка
На дзень чатырнаццаты
А дзевятай гадзіне
У сераду
Навекі спачыў Усяслаў,
Полацкі князь [2, с. 111].

Задаёт риторический вопрос, который отнюдь не имеет однозначного ответа:

Усё?
Цяпер насампраўдзе
Усё [2, с. 111]?

Со стен святой Софии сходят к полочанам апостолы и учат их правде. Он, словно магнит, притягивал, собирал и творил народ; в нем объединились «вышыня і глыбіня, Зямля і нябёсы? Святло і цемра, Дзейсніца, Тоячыся ад паверху, нязнаны Бог» [2, 102].

Всеслав Чародей оставил бессмертное:
Свой край
Свой народ,
Свае гарады
І свая Сафія,

І ты ім таксама
Свой [2, с. 103].

Благодаря чему и вернулся в день нынешний, обретя в угасших угольках столетий новую форму бытия – вербальную.

ЛИТЕРАТУРА

1. Незвал В. Избранное : В 2-х т. / В. Незвал. – Т. 1: стихи, поэмы, пьесы [перев. с чеш. ; сост., предисл., примеч. Л. Будаговой]. – М. : Худож. лит., 1988. – 622 с.
2. Старажытная беларуская літаратура : Зборнік : [для старэйшага школьнага ўзросту / уклад. Л. С. Курбека ; аўтар прадмовы У. Г. Кароткі]. – Мн. : Юнацтва, 1990. – 350 с.
3. Разанаў А. Каб мелі шчасце ўваскрасаць і лётаць : Паэмы / А. Разанаў – Мн. : Логвінаў, 2006. – 168 с.
4. Тютчев Ф. Сочинения / Ф. Тютчев ; [подгот. текста и коммент. К. Пигарева ; вступит. статья Л. Кузиной и К. Пигарева]. – М. : Худож. лит., 1984. – 495 с.

© Штейнер И. Ф., 2010

Стаття надійшла до редколегії 05.05.10 р.